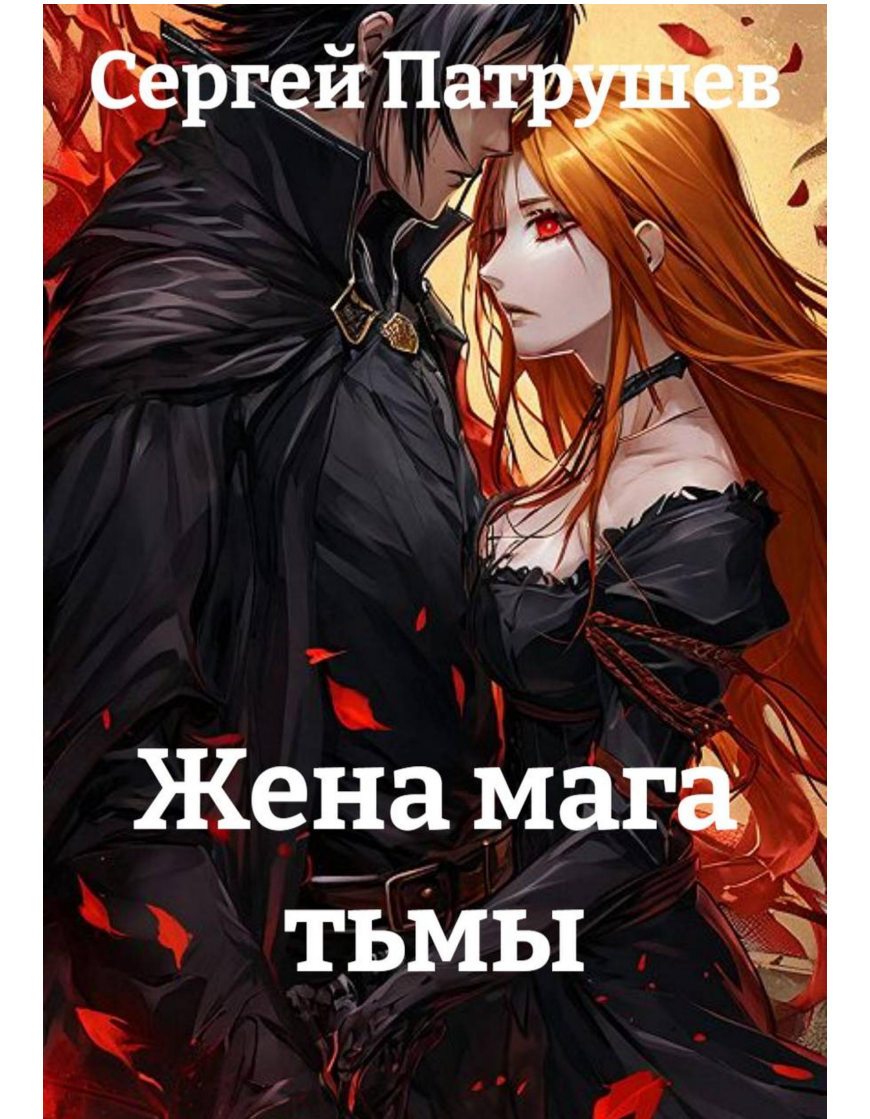

The background of the cover is a detailed illustration. It depicts a man with dark hair and a woman with long, flowing red hair. The man is wearing a dark, high-collared coat with a large black cape and a gold-colored buckle. He is looking down at the woman. The woman has striking red eyes and is wearing a dark, off-the-shoulder dress with a lace-up detail. They are surrounded by falling red petals or leaves against a warm, orange-yellow background. The overall mood is romantic and mysterious.

Сергей Патрушев

Жена мага
ТЪМЫ

Сергей Патрушев

Жена мага тьмы

<https://litres.ru/74390044>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наташа, дочь простого пекаря и первая красавица города, не ждала от судьбы чудес. Однажды вечером, преданная подругами и униженная одиночеством, она плачет над кружкой горького эля в шумном трактире, но именно в этот момент в зал входит он — Дмитрий, могущественный маг тьмы, чьё имя внушает ужас всему королевству.

Окутанный аурой холода и силы, он замечает её слёзы и произносит слова, которые изменят всё: «Неужели в этом мире кто-то посмел обидеть столь прекрасные глаза?»

Их встреча становится началом истории, полной страсти, опасностей и магии. Наташе предстоит не только стать женой самого загадочного человека в регионе, но и узнать, что за ледяным сердцем скрывается гораздо больше, чем она могла представить. Зависть бывших подруг, интриги аристократов, нападения ассасинов и битвы с тёмными магами — всё это лишь испытания на пути к истинной любви.

Сможет ли простая девушка растопить сердце, проклятое тьмой? И станет ли их союз спасением или гибелью для обоих?

Содержание

Глава 1. Горький эль	4
Глава 2. Неожиданное предложение	33
Глава 3. Свадьба под покровом ночи	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Патрушев

Жена мага тьмы

Глава 1. Горький эль

Вечер опускался на город медленно, нехотя, словно не желая уступать место ночи. Последние лучи заходящего солнца окрашивали черепичные крыши в медовый цвет, заставляли окна домов вспыхивать расплавленным золотом, а длинные тени протягивались через мостовые, как пальцы какого-то неведомого великана, пытающегося удержать ускользающий день. В воздухе пахло осенью — прелой листвой, дымом из печных труб, сырой землёй и тем особенным, терпким ароматом, который появляется лишь тогда, когда лето окончательно сдаёт свои позиции, а зима ещё не решается вступить в свои права.

Этот переходный период всегда казался Наташе самым честным временем года: природа не притворялась, не обещала невозможного, а просто тихо готовилась к долгому сну, укутываясь в серые одежды туманов и первых заморозков.

Она стояла у окна своей маленькой комнатки на втором этаже пекарни и смотрела, как город постепенно погружается в сумерки. В отражении оконного стекла она видела собственное лицо — бледное, сосредоточенное, с чуть припух-

шими от усталости веками и плотно сжатыми губами. Руки её машиноверно перебирали край передника, испачканного мукой, хотя сама она уже давно закончила работу.

Отец ещё возился внизу, в пекарне, — она слышала его тяжёлые шаги, размеренное постукивание лопаты о под печи и его негромкое ворчание, обращённое то ли к самому себе, то ли к кошке, которая вечно путалась под ногами. Обычные звуки. Привычные. Те, что сопровождали её с самого детства, с тех самых пор, как она научилась отличать запах свежего хлеба от запаха подгоревшей корки.

Но сегодня эти звуки не приносили ей покоя. Сегодня всё в ней было натянуто, как струна лютни, которую вот-вот должны настроить, но которая уже сейчас дрожит в предвкушении музыки. Она ждала этого вечера две недели. Целых две недели уговоров, обещаний, маленьких обманов. «Отец, я всего лишь посижу с Марикой и Ларой в „Медном котле“».

Ну что может случиться в приличном трактире? Ты же сам знаешь, что там всегда полно народу, что хозяин держит заведение в строгости, что там даже драки — и то редкость, а если и случаются, то лишь между чужими, проезжими, которым нечего делить, кроме дорожной пыли». Она говорила это, глядя отцу прямо в глаза, и улыбалась той самой улыбкой, которой он никогда не мог отказать. Улыбкой покойной матери, как он сам ей однажды сказал в минуту особой откровенности, когда они сидели вдвоём на кухне, и он, захмелев от вишнёвой наливки, вдруг начал рассказывать ей то, о

чём прежде всегда молчал.

Мать умерла, когда Наташе было шесть. Она помнила её урывками: тепло ладоней, пахнущих тестом и лавандой, негромкий голос, напевающий какую-то колыбельную, мягкие объятия перед сном и странное, непередаваемое чувство абсолютной защищённости, которое исчезло навсегда в тот дождливый осенний день, когда отец вернулся с кладбища один. После этого жизнь в пекарне изменилась.

Она не стала хуже — нет, просто другой. Более тихой. Более сдержанной. Будто кто-то приглушил все цвета и звуки, оставив лишь монотонную череду дней, наполненных работой, усталостью и той особенной, молчаливой любовью, которая выражается не в словах, а в заботе: в лишнем куске пирога, оставленном на столе, в тщательно вычищенной обуви, в тёплом платке, заботливо накинутом на плечи в промозглый день.

Она не винила отца в том, что он не смог дать ей больше. Он сделал всё, что мог, — поднял её на ноги, обучил своему ремеслу, оградил от самых страшных бед. Но он не смог оградить её от одиночества. От того гложащего, глубинного одиночества, которое начинаешь остро ощущать, когда тебе исполняется пятнадцать, потом шестнадцать, потом семнадцать, а мир вокруг остаётся таким же замкнутым, как круг ежедневных обязанностей.

Встать затемно, замесить тесто, раскатать, испечь, продать, убрать, снова замесить, снова испечь. И так — день за

днём, неделя за неделей, год за годом. Лишь изредка эту бесконечную череду разбавляли праздники — свадьбы соседей, ярмарки, редкие посиделки с девушками, у которых, впрочем, были свои дома, свои отцы, свои заботы.

Замужество не стало для неё спасением. Она выходила замуж с надеждой на то, что новая жизнь принесёт ей хоть какое-то разнообразие, хоть какую-то свободу. Но реальность оказалась куда суровее всех её девичьих фантазий.

Муж, которого выбрал ей отец, — немолодой, зажиточный мельник, уважаемый человек, — оказался скуп, придирчив и до тошноты однообразен в своих привычках и требованиях. Он был из тех людей, которые убеждены, что весь мир вертится вокруг установленного ими порядка, и любые попытки хоть что-то изменить воспринимают как личное оскорбление. Наташа быстро поняла, что стала для него не женой в высоком смысле этого слова, а скорее ещё одним предметом домашней утвари.

Красивым, полезным, но совершенно бесправным. И когда спустя три года этого унылого существования он скончался, она не испытывала ничего, кроме глухого, стыдного, потаённого облегчения. Она вернулась в отчий дом, к отцу, к пекарне. Вернулась с осознанием того, что пока она свободна — свободнее, чем многие другие молодые женщины её возраста, — но эта свобода висит на волоске, и единственный способ её удержать — это пользоваться ею как можно скорее и как можно полнее.

Потому и «Медный котёл». Потому и это новое платье, сшитое ею самой тайком от отца из припрятанного куска добротного льна. Потому и та тщательность, с которой она сейчас, стоя у окна, расчёсывала свои длинные пшеничные волосы, заплетала их в тугую косу, укладывая её вокруг головы, точно корону.

Ей хотелось выглядеть красивой. Не просто красивой — ослепительной. Такой, чтобы, войдя в трактир, она почувствовала на себе взгляды, полные восхищения и зависти. Такой, чтобы даже случайный посетитель запомнил её. Ей нужно было это подтверждение — извне, из мира, лежащего за пределами стен пекарни. Подтверждение того, что она ещё жива. Что она не превратилась в бледную тень у печи. Что в ней ещё есть огонь, достойный того, чтобы его замечали.

Она накинула на плечи тёплую шерстяную накидку, взяла маленький матерчатый кошелёк с несколькими медными монетами и тихонько, чтобы не потревожить скрипучие половицы, спустилась вниз. Отец стоял спиной к ней, склонившись над большой деревянной лоханью с закваской. Его широкая, сутулая от многолетней работы спина была напряжена, руки мерно двигались, вымешивая тесто с той уверенной, почти ритуальной неторопливостью, которая приходит лишь с опытом. Наташа на секунду задержалась в дверях, глядя на него. Сердце её сжалось от смеси вины и нежности.

Она знала, что он беспокоится. Знала, что он не спит до её возвращения, сидя у очага с неизменной трубкой. Знала,

что в глубине души он до сих пор не одобряет эти её «вылазки». Но он никогда не запирает дверь на засов. Никогда не запрещал. Он доверял ей — и это доверие давило на неё сильнее любого запрета.

— Я пойду, пап, — сказала она тихо.

Он не обернулся, но кивнул. Его движение было скупым, но она заметила, как на секунду замерли его руки, как напряглись плечи. Ей хотелось сказать что-нибудь ещё — что-нибудь ободряющее, что-нибудь тёплое, — но слова застряли в горле. Вместо этого она просто подошла и быстро чмокнула его в щёку, шершавую от щетины, пахнущую мукой и табаком.

— Не жди меня, — добавила она. — Я скоро.

— Угу, — буркнул он. — Иди уж, сорока.

Она улыбнулась и выскользнула за дверь.

Улица встретила её прохладой, заставившей плотнее закутаться в накидку. Где-то вдалеке, на рыночной площади, ещё горели фонари, отбрасывая на брусчатку колеблющиеся жёлтые пятна. Здесь, в переулке, было темнее. Но Наташа не боялась темноты. Она знала каждый камень этой мостовой, каждую выбоину, каждую покосившуюся ступеньку у дома вдовы Клементины. Её шаги гулко отдавались в тишине, и этот звук казался ей странным, будто она была здесь единственным живым существом. Город затихал рано, особенно осенью. Люди предпочитали коротать вечера у домашнего очага, а не шататься по улицам. И лишь трактиры, эти ост-

ровки тепла и шума, продолжали жить своей бурной, сокрытой от посторонних глаз жизнью.

«Медный котёл» находился на перекрёстке двух старых улиц, недалеко от рынка. Это было основательное, приземистое здание с толстыми каменными стенами, почерневшими от времени и копоти. Над тяжёлой дубовой дверью раскачивалась на ветру вывеска — потускневший от дождей медный котёл, внутри которого кто-то из местных умельцев когда-то выгравировал пляшущие языки пламени. Вывеска поскрипывала, и звук этот был слышен за десяток шагов. Словно само заведение приглашало усталых путников и жаждущих развлечений горожан: «Заходи, здесь тепло, здесь пиво, здесь жизнь».

Наташа подошла к двери, на секунду задержавшись у входа. Изнутри доносился ровный, густой гул, похожий на шум далёкого водопада. Сквозь щели в ставнях пробивался тёплый свет. Пахло жареным луком и свежим хлебом. Знакомый запах — почти родной, ведь именно их пекарня поставляла в «Медный котёл» хлеб уже много лет подряд. Наташа усмехнулась про себя: как бы ни сложился вечер, она знала, что где-то там, за стойкой, лежит каравай, испечённый её собственными руками. Это придавало ей странную уверенность. Словно она была здесь не просто гостьей, а имела некое тайное право на присутствие.

Она толкнула дверь и вошла.

Первое, что обрушилось на неё, — это звук. Сплошная,

осязаемая стена шума, состоящая из десятков голосов, сливающихся в нечленораздельный гул. Второе — запах. Кислый, дрожжевой дух пива, смешанный с ароматом жареного мяса, чеснока, лука, тёплого воска от свечей и чего-то ещё, неуловимого, но неизменно присутствующего во всех подобных заведениях — запах человеческого пота, разбавленный табачным дымом. Третье — жар. Плотный, влажный жар, мгновенно окутавший её, как горячее одеяло. И, наконец, четвёртое — взгляды.

Она знала этот момент. Знала, что сейчас произойдёт. Что бы она ни делала, сколько бы раз ни входила в людное помещение, всегда наступало это короткое, почти неуловимое затишье. На долю секунды разговоры затихали, головы поворачивались, глаза устремлялись к двери. Люди — странные существа. Они всегда чувствуют, когда в их привычный мир вторгается нечто, достойное внимания. И Наташа, дочь пекаря, вдова мельника, первая красавица города, — она была именно таким «нечто».

Она не была одета богато. Её платье, сшитое с любовью, но без излишеств, не могло сравниться с нарядами дочерей бургомистра или купеческих жён. На ней не было драгоценностей, если не считать простеньких серебряных серёжек — единственного подарка отца, который она позволяла себе носить. Но было в ней нечто такое, что заставляло людей смотреть. Может быть, дело было в осанке — прямой, гордой, но не надменной. Может быть, в взгляде — открытом, живом,

полном того внутреннего света, который не купишь ни за какие деньги. А может быть, во всём её облике было то неуловимое сочетание силы и хрупкости, которое встречается так редко и производит столь сильное впечатление.

Она прошла через зал, ощущая на себе эти взгляды, но не подавая виду. Она научилась не смущаться. Научилась не опускать глаза. Научилась нести свою красоту с той спокойной уверенностью, которая лишь подчёркивает её, но не выставляет напоказ. Её губы тронула лёгкая улыбка — не кокетливая, не вызывающая, а просто вежливая, обращённая не столько к людям, сколько к самой себе. «Вот я и пришла, — подумала она, — вот я и на месте. И пусть весь мир катится куда угодно, но этот вечер — мой».

— Наташка! — донеслось из глубины зала. — Давай сюда, мы тут!

Она обернулась на голос и увидела Марику. Та энергично махала ей рукой, привстав из-за стола в углу, где уже сидела и Лара. Наташа направилась к ним, лавируя между тесно стоящими столами, задевая подолом чьи-то вытянутые ноги, отвечая на грубоватые, но беззлобные шутки знакомых ремесленников. Она чувствовала, как по телу разливается приятное возбуждение, сродни тому, что испытываешь перед началом долгожданного праздника. Вот он, её вечер. Вот он, её маленький побег от повседневности.

— Ну наконец-то! — воскликнула Марика, когда Наташа наконец добралась до стола и, сняв накидку, уселась на лав-

ку. — Мы уж думали, твой папаша тебя опять к печке приковал.

— Вырвалась, — с улыбкой ответила Наташа, оглядывая подруг. — И даже платье новое надела. Правда, красивое?

Она кокетливо разгладила юбку, давая им рассмотреть вышивку — алые маки, рассыпанные по подолу, словно капли крови на белом снегу. Работа была тонкая, кропотливая. Она вышивала эти цветы долгими осенними вечерами, тайком, при свете сальной свечи, мечтая о том дне, когда сможет надеть это платье. И вот этот день настал.

— Красивое, — с лёгкой завистью протянула Лара. — И куда ты такая нарядная? Может, наконец-то положила глаз на кого-то?

— А что, нельзя просто так, для себя? — Наташа беззаботно рассмеялась, но в голосе её скользнула едва уловимая нотка раздражения. Почему-то все вокруг были убеждены, что женщина не может наряжаться без цели понравиться какому-нибудь мужчине. Что её внешность должна всегда кому-то принадлежать — отцу, мужу, ухажёру. А то, что она может делать это для собственного удовольствия, никому и в голову не приходило.

— Для себя, как же! — поддела Марика, но тут же смягчилась. — Ладно, не дуйся. Платье и правда отличное. Тебе очень идёт.

Заказали эль. Трактирщик, толстый краснощёкий мужчина по имени Густав, подошёл сам, важно вытирая руки о

фартук. Он знал Наташу с детства и относился к ней с той смесью почтительности и покровительственной фамильярности, которую позволяют себе старые знакомые семьи.

— Наталья, свет мой, — прогудел он, склонившись к столу, — а отец твой знает, что ты опять сбежала?

— А вы ему не расскажете, дядюшка Густав? — она хитро прищурилась. — Или я больше не принесу вам те булочки с корицей, которые вы так любите.

Трактирщик хохотнул:

— Шантажистка. Ладно, так и быть. Пива, значит, как обычно?

— Да. Три кружки. Тёмного.

Эль принесли быстро. Пенистый, янтарный, с лёгкой горчинкой и плотной кремовой шапкой. Наташа обхватила прохладную глиняную кружку обеими ладонями, поднесла к лицу, вдохнула хмельной аромат. Сделала первый глоток — осторожный, маленький, будто пробуя на вкус не только пиво, но и сам этот вечер, саму эту свободу. Горечь растеклась по языку, приятно обожгла горло, спустилась в грудь тёплой волной. Она прикрыла глаза на мгновение, наслаждаясь моментом.

— За нас! — сказала она, поднимая кружку.

— За то, чтобы такие вечера были чаще! — подхватила Марика.

— За то, чтобы мужья не ворчали, а отцы — не замечали! — добавила Лара.

И все трое звонко рассмеялись. Это был их маленький разговор. Их общее тайное желание хоть ненадолго вырваться из тесных рамок обыденности, из вечного круга обязанностей, из той негласной тюрьмы, в которую общество заточает каждую женщину. Им было по двадцать, по двадцать одному, по девятнадцать. Они были молоды, полны сил и желания жить. И в этом шумном, прокуренном трактире, среди чужих, незнакомых людей, они чувствовали себя удивительно, непередаваемо свободными.

Наташа откинулась к стене, оглядывая зал. Ей нравилось наблюдать. За возчиками, спорящими о ценах на овёс. За матросами, один из которых уже изрядно пьяный, с покрасневшим лицом и растрёпанными волосами, пытался петь какую-то заунывную морскую балладу. За пожилой женщиной, торгующей вразнос лентами и булавками, которая сидела с кружкой молока и устало смотрела на всех отсутствующим взглядом. За молодым парнем, который, кажется, уже битый час пытался набраться смелости, чтобы подойти к Лере. Наташа видела, как он то вставал, то снова садился, то поправлял ворот рубахи, то неловко сжимал в руках кружку. Это было забавно. И немного грустно.

Она снова глотнула эля. Горечь уже не казалась такой резкой. Она смешивалась с теплом, разливающимся по телу, с лёгким шумом в голове, с этим гомоном чужих голосов, в котором при желании можно было слышать целый мир. Ей вдруг остро захотелось, чтобы этот вечер не кончался.

Чтобы он длился и длился, растягиваясь, как тёплая патока, чтобы утро не наступало как можно дольше, а вместе с ним — и возвращение к привычной жизни.

— Ну, рассказывай, — потребовала Марика, пододвигаясь ближе. — Как отец? Всё ещё дуется на тебя из-за того купца?

— Ох, не напоминай, — Наташа поморщилась. — Он уже смирился, кажется. Но всё равно при каждом удобном случае заводит свою шарманку: «Наталя, тебе нужна надёжная опора, а не ветреный торгаш». Будто я без его опеки пропаду.

— А что за купец? — оживилась Лара. — Ты нам не рассказывала.

— Да был один, — Наташа небрежно махнула рукой. — Приезжал весной из столицы. Закупал муку у отца, ну и... положил на меня глаз, видимо. Предложение делал.

— Какое? — глаза Лары заблестели от любопытства. — Замуж звал?

— Звал. Говорил, что увезёт меня в большой город, что у меня будет всё — и наряды, и слуги, и дом с каменными полами. Что я буду жить, как королева.

— И ты отказала?! — ахнула Марика.

— Отказала, — кивнула Наташа. — И ни разу не пожалела. Он, конечно, был не стар и не уродлив, но... не моё это. Чужой человек. Чужие мечты. Чужая жизнь. Я не хочу быть чьей-то красивой куклой. Уж лучше пекарня.

— Ну, ты и дура, — с чувством сказала Марика. — От

такого жениха отказываться!

— Сама ты дура, — беззлобно ответила Наташа. — Вот ты представь: уезжаешь за тридевять земель, в город, где никого не знаешь, с человеком, которого видела-то всего несколько раз. И что потом? Что, если он окажется жестоким? Или пьющим? Или просто... скучным? И некому будет пожаловаться, некуда бежать. Я однажды уже была замужем. Достаточно.

Она произнесла это тихо, но с такой внутренней силой, что подружки на мгновение притихли. Они знали её историю. Знали, что за этими скупыми словами — три года безрадостного существования, три года подавляемых слёз, три года медленного угасания. И что чудом она вырвалась из этого плена. И что теперь её нежелание снова связывать себя узами брака — не прихоть, а глубокая, выстраданная потребность быть свободной.

— Ну и как же ты собираешься жить дальше? — осторожно спросила Лара. — Всё при отце? Всё одна?

— А что в этом плохого? — Наташа пожалала плечами. — Отец не вечный, конечно, но пока он рядом, я спокойна. А дальше — посмотрим. Может, открою своё дело. Может, найду мужчину, который будет видеть во мне не только милое личико. А может, и не найду. И это будет не самый худший вариант.

Марика хотела что-то возразить, но в этот момент их разговор прервал громкий всплеск смеха за соседним столом.

Какая-то компания ремесленников явно уже перебрала лишнего. Один из них, красномордый здоровяк с копной рыжих волос, пытался влезть на стол, но товарищи удерживали его за штаны, что вызывало у всех бурное веселье. Женщины устойчиво покатывались со смеху, трактирщик неодобрительно качал головой, но не вмешивался — видно, знал, что с этими ребятами лучше не связываться, пока они не натворят бед.

— Вот видишь, — усмехнулась Наташа, кивая в сторону разгулявшейся компании. — Вот от такого счастья я точно не отказываюсь, но и не стремлюсь к нему. Пусть развлекаются. А я посижу, посмотрю.

— Ты как старуха иногда, — хмыкнула Марика. — Тебе же двадцать, а рассуждаешь, как мать-настоятельница.

— Может, я просто повзрослела раньше времени.

— А может, тебе просто нужен хороший... разговор по душам, — Лара хитро прищурилась, выделяя последнее слово. — Причём не с нами. А с кем-нибудь... посолиднее.

— Ты опять про своего брата? — Наташа рассмеялась. — Нет уж, увольте. Его интересует лишь то, что можно съесть, выпить или потрогать. Для души он слеп.

— Зато у него руки золотые, — вставила Марика, защищая родственника. — И не такой уж он и толстый, как ты говоришь.

— Я не говорила, что он толстый. Я говорила, что он скучный.

— А что, по-твоему, не скучный? — вскинулась Марика.

— Ну, и кто же тебе нужен? Принц из заморских земель? Или, может, сам король?

— Мне не нужен ни принц, ни король. Мне нужен человек, рядом с которым мне не будет тошно просыпаться по утрам. Вот и всё. Простое желание, не правда ли?

Она снова глотнула эля. Настроение её, до того лёгкое и беззаботное, начало понемногу портиться. Эти разговоры о замужестве всегда оставляли неприятный осадок. Словно сам факт её вдовства был какой-то аномалией, которую все вокруг пытались исправить. Словно она была незаконченной картиной, которую каждый норовил дописать по своему усмотрению. А ей так хотелось, чтобы её просто оставили в покое. Хотя бы на один вечер.

— Ладно, не дуйся, — примирительно сказала Марика, кладя руку на плечо Наташи. — Мы ж не со зла. Мы же за тебя переживаем.

— Знаю, — вздохнула Наташа. — Просто устала от этих разговоров. Давайте лучше о чём-нибудь другом. Расскажи, что там у тебя с тем подмастерьем? Ты так и не рассказала, чем закончилась та история на ярмарке.

Марика тут же оживилась, защебетала, красочно описывая события. Лара вставляла свои замечания, смеялась, переспрашивала. Разговор потёк по новому руслу — лёгкий, ни к чему не обязывающий, полный девичьих секретов и безобидных сплетен. Наташа слушала вполуха, потягивая эль и рассматривая узор на деревянной столешнице. Ей было хо-

рошо. Тепло. Спокойно. И она почти убедила себя, что вечер удался, что опасения были напрасны, что она действительно может позволить себе вот так просто сидеть, пить, смеяться.

Время шло. Кружки пустели и снова наполнялись. Трактир жил своей шумной жизнью. Кто-то заказывал жареного поросёнка, кто-то играл в кости, кто-то шептался по углам. За окнами совсем стемнело, и теперь они превратились в чёрные зеркала, отражающие пламя очага и смутные силуэты посетителей. Где-то наверху, в комнатах для постояльцев, судя по звукам, кто-то уже готовился ко сну, а быть может, и к чему-то другому. Наташа улыбнулась своим мыслям.

— А где же твой брат? — спросила она, вспомнив недавний разговор. — Он не присоединится к нам?

— Нет, он с друзьями пошёл в другой трактир, «Голову вепря», — отмахнулась Марика. — Сказал, что с девчонками ему не интересно. Да и нам без него лучше.

— Ох, не скажи, — мечтательно протянула Лара. — В «Голове вепря» сегодня, говорят, должны выступать заезжие акробаты. Может, зря мы сюда пошли?

— Ещё не поздно сходить, — предложила Наташа. — Хоть одним глазком взглянуть.

— Холодно уже, — поёжилась Марика. — Да и устала я. Давайте лучше ещё по кружечке, и по домам.

Она привстала, высматривая трактирщика. Но Густав вдруг отвернулся, делая вид, что не замечает её. Марика нахмурилась, уже готовая позвать его громче. Но в этот момент

в зале возникла какая-то странная перемена.

Это было не сразу заметно. Наташа сначала почувствовала это кожей — лёгкий холодок, пробежавший по спине, хотя очаг горел ярко. Потом — запах. Едва уловимый, нездешний, проникающий сквозь привычную вонь трактира. Так пахнет на улице после грозы, когда воздух ещё наполнен озоном и электричеством. Или так пахнет в старинных библиотеках, где книги лежат десятилетиями, накапливая в себе пыль веков и чью-то забытую магию. Или так пахнет лёд — если, конечно, лёд может иметь запах. Странное, холодное, тревожное дуновение, от которого волосы на руках поднялись дыбом.

Гул голосов не прекратился, но как-то разом сник. Смех оборвался, разговоры затихли, будто кто-то невидимый прошёл по залу и выключил половину звуков. Наташа увидела, как парень, напевавший песню, осёкся на полуслове. Как возчики, спорившие об овсе, замерли с открытыми ртами. Как женщина с лентами судорожно перекрестилась. Как пьяный матрос вдруг посерел лицом и схватился за край стола, будто боясь упасть.

Она ещё не поняла, что происходит. Обернулась к двери — и обомлела.

Дверь «Медного котла» распахнулась. В неё ворвался порыв ледяного ночного воздуха, заставивший пламя очага пригнуться, а несколько свечей на столах — погаснуть. И в этом дверном проёме, на фоне черноты улицы, стоял чело-

век. Точнее, сначала она увидела только его силуэт — высокий, укутанный в тёмно-синий, почти чёрный плащ с глубоким капюшоном. Капюшон был поднят, но даже так, в полумраке, она ощутила силу, исходящую от этой фигуры. Не просто человеческую силу — а нечто иное, древнее, как сама ночь, тяжёлое, как холод, что пробирает до костей.

Человек шагнул внутрь. Он двигался медленно, но не из-за неуверенности — из-за какого-то странного, почти царственного достоинства, не позволявшего ему спешить. Он откинул капюшон, и по залу прокатился едва слышный, но всеобщий вздох. Это был Дмитрий.

Наташа слышала о нём, конечно. Кто в их городе не слышал? Маг тьмы. Тот, кто живёт в старой башне на окраине. Тот, кто избегает людей и чья фигура окутана таким количеством легенд, слухов и страшных историй, что отделить правду от вымысла было уже невозможно. Говорили, что он может выпить душу одним лишь взглядом. Говорили, что он повелевает тенями и способен заставить их задушить человека во сне. Говорили, что его сердце давно превратилось в кусок льда, а кровь в его жилах холодна, как зимний рассвет. Говорили, что он бессмертен, что он старше самой этой башни, что он пришёл из тех времён, когда мир был совсем иным, — и что он останется, когда от города не останется и камня на камне.

Но всё это были лишь слова. Истории, которыми матери пугают непослушных детей. Сказки, рассказанные пьяными

в таких вот трактирах. Наташа никогда не придавала им особого значения. Маги есть маги. Они существуют где-то на периферии жизни, занимаются своими непонятными делами и редко вмешиваются в жизнь простых людей. Она видела магов лишь издалека, на ярмарках или праздниках, — чинных, одетых в тёмные мантии, держащихся особняком. Они внушали ей скорее любопытство, чем страх. Но сейчас, глядя на Дмитрия, она впервые поняла, что значит по-настоящему испугаться.

Он был не просто человек. Это было видно по тому, как двигался воздух вокруг него. Как тени в углах зала, казалось, тянулись к нему, лизали его сапоги, обвивали подол плаща. Как пламя очага, вздрогнув, пригнулось ещё ниже, будто стремясь укрыться. Как лица людей побледнели, а глаза наполнились первобытным, животным страхом, который не поддаётся разуму.

Он был молод — насколько можно было судить по лицу, лишённому возраста. Бледная кожа, гладкая, как у статуи, но не холодная, а скорее... полупрозрачная, будто сквозь неё просвечивала сама тьма. Резкие, словно высеченные из камня линии скул. Тонкие, плотно сжатые губы. Тёмные волосы, слегка выющиеся у висков, спадали на лоб неряшливыми прядями. Но самым поразительным были глаза — чёрные, блестящие, как обсидиан, глубокие, как бездна. Они, казалось, не отражали свет, а поглощали его. И в них таилась такая бездна... такая бездна, что Наташа, заглянув в них на

мгновение, почувствовала, как у неё закружилась голова.

Он прошёл через зал. Люди расступались перед ним, как трава перед ветром. Кто-то отшатывался, опрокидывая кружки. Кто-то зажмурился. Кто-то шептал молитвы. Кто-то просто сидел неподвижно, парализованный ужасом, не в силах отвести от него взгляда. Он же, казалось, никого не замечал. Его взгляд был устремлён вперёд, в темноту, в пустоту, в никуда. И лишь на секунду он задержался на их столе. На ней.

Наташа почувствовала этот взгляд. Он был как удар — не физический, но эмоциональный. Словно кто-то заглянул в самую глубину её души, раздвинул завесы, сорвал покровы и увидел всё: её одиночество, её страхи, её надежды, её боль. Ей захотелось сжаться, спрятаться, закричать. Но она не могла пошевелиться. Могла лишь сидеть и смотреть, как маг проходит мимо, как занимает место в противоположном, самом тёмном углу зала, как растворяется в тени, оставляя лишь тусклый отблеск огня на массивном перстне.

— Это он... — выдохнула Лара, сжимая руку Наташи до боли. — Сам...

— Тише, — шикнула Марика. — Не смотри на него. Делай вид, что мы его не заметили.

— Да как тут не заметить, — прошептала Наташа, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха. — Он же смотрит на нас.

— Вот именно, — дрожащим голосом ответила Марика.

— Поэтому — не поднимай глаза.

Она судорожно вцепилась в свою пустую кружку, уставившись в неё, как в оракула. Лара последовала её примеру. Но Наташа не могла удержаться. Она снова подняла взгляд. И встретила с ним.

Он смотрел на неё. Не на них — на неё. Его взгляд был устремлён прямо на неё, и в этом взгляде не было того пугающего холода, который она ожидала увидеть. В нём была лишь задумчивость. И странное, почти невесомое внимание. Так смотрит художник на незнакомую натуру, размышляя, как перенести её на холст. Так смотрит путник на далёкий огонёк в ночи. Так смотрит человек на нечто прекрасное, но недоступное. И от этого взгляда ей стало ещё страшнее. Потому что неизвестность страшнее любой угрозы.

— Нужно уходить, — прошептала Марика, не поднимая головы. — Этот эль уже в горло не лезет.

— Куда же вы? — удивилась Наташа. — Мы только начали!

— У меня живот скрутило, — соврала Марика. — И Лара уже зевает. Правда, Лара?

— А? Да-да, — поспешно закивала та. — Мне ещё завтра рано вставать, брат уезжает на ярмарку, нужно собрать его.

Наташа смотрела на своих подруг с изумлением. Ещё минуту назад они и не думали расходиться. Они смеялись, болтали, строили планы. А сейчас сидели бледные, трясущиеся, готовые вскочить и бежать без оглядки. И причиной тому

был он. Этот человек в тёмном углу. Этот маг, который даже не сделал ничего угрожающего — просто вошёл, просто сел, просто смотрел. Но сам факт его присутствия был для них невыносим.

— Я останусь, — твёрдо сказала Наташа. — Допью свой эль.

Марика и Лара переглянулись. В их глазах был ужас, смешанный с непониманием.

— Ты с ума сошла? — прошептала Марика. — Рядом с ним?

— А что он мне сделает? — спросила Наташа, нарочно громче, чем следовало. — Я в людном месте. Здесь полно народу. Вряд ли он станет превращать меня в жабу на глазах у всех.

Она сама не до конца понимала, зачем это говорит. Возможно, ей хотелось показать свою храбрость. Возможно, доказать самой себе, что она не трусиха. Возможно, это был протест — глупый, бессмысленный, но такой свойственный её натуре. Протест против страха, который, как заразная болезнь, расползлся по залу, заражая всех, включая самых крепких мужчин. Она не хотела быть частью этого стада. Не хотела поддаваться панике, причины которой не понимала.

— Ну и зря, — обиделась Марика, поднимаясь. — Сиди тут, если хочешь. А я не собираюсь рисковать своей душой.

— Я тоже пойду, — прошептала Лара, боязливо покосившись в тёмный угол. — Прости, Наташ.

Они быстро, не оглядываясь, направились к выходу, стараясь держаться как можно дальше от того угла, где сидел маг. Их фигуры мелькнули в дверном проёме и растворились в ночи. Дверь закрылась. Наташа осталась одна.

Проводив их взглядом, она почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Это было унижительно. Её попросту бросили. Бросили, как бросают ненужную вещь, как отрекаются от человека, от которого может исходить опасность. Она знала их много лет. Она считала их подругами. Она делилась с ними секретами, выслушивала их жалобы, помогала в трудные моменты. А они... они сбежали при первой же угрозе. Причём угрозе, возможно, даже не существующей. И от этого было вдвойне больнее.

Она снова посмотрела в тот угол. Дмитрий, казалось, стал лишь частью тени. Его силуэт едва угадывался. Но ей показалось, что на его губах мелькнула тень улыбки. Не насмешливой, не злорадной, а скорее понимающей. Будто он видел всё, что произошло, и находил в этом какую-то горькую иронию. Будто он давно привык к тому, что люди разбегаются от него, как от проказы. Будто для него это было таким же обычным делом, как для неё — замесить тесто.

Это разозлило её ещё больше. Он был причиной. Это из-за него всё пошло прахом. Это из-за него она осталась одна за пустым столом, с недопитым пивом и комом обиды в горле. Это из-за него она сейчас чувствовала себя такой одинокой, такой отверженной, такой... никому не нужной. Она

взяла кружку с недопитым элем, оставленным Марикой, и сделала большой, жадный глоток. Пиво уже начинало выдыхаться. Горечь казалась ещё сильнее, чем прежде. Она оседала на языке, на нёбе, в горле. Она заполняла её всю, эту горечь, — горечь одиночества, горечь разочарования, горечь предательства.

Слёзы подступили к глазам. Она пыталась сдержать их, но они всё равно покатались по щекам — сначала медленно, по одной, потом быстрее, обильнее. Обжигая. Размывая перед глазами очертания зала, превращая огонь очага в дрожащее золотое пятно, а лица людей — в бледные, расплывчатые маски. Она запрокинула голову, глядя в тёмный, закопчённый потолок, чтобы слёзы не падали на платье. Плечи её задрожали. Она сжала кружку так, что побелели костяшки пальцев. И сделала ещё один глоток — большой, судорожный, почти захлёбывающийся. Эль был горьким. Горьким, как её сегодняшний вечер. Горьким, как мысль о том, что она, первая красавица, чьё имя не сходило с уст городских кумушек, сидит в одиночестве и плачет в кружку, брошенная теми, кого она считала подругами.

Ей было стыдно. Стыдно за свою слабость, за свои слёзы, за то, что она не смогла совладать с обидой. Но в то же время ей было и немного легче. Слёзы — странная вещь. Они не решают проблем, но дают выход боли. Они смывают то, что накопилось внутри, очищают, пусть и ненадолго. И сейчас, в этом шумном, равнодушном трактире, она позволяла себе

эту слабость. Потому что больше не перед кем было притворяться. Потому что её никто не видел. Или ей так казалось.

Но она ошибалась. Он видел.

Внезапно шум в зале стих. Не так, как прежде, когда все роптали. Теперь наступила полная, звенящая, почти невыносимая тишина. Казалось, даже огонь в очаге перестал трещать. Даже мухи, жужжащие под потолком, замерли на лету. Даже воздух, до того пропитанный сотней запахов, стал стерильно-чистым, холодным, как в склепе. Наташа почувствовала, как по залу прокатилась волна ледяного холода. Она подняла голову и сквозь пелену слёз увидела, как тени в углу зашевелились.

Дмитрий встал.

Он двигался бесшумно, словно скользил по полу, не касаясь его. Его плащ колыхался, как чёрная вода. Вокруг него сгущалась тьма, обвивала его, облежала, словно любовница, встречающая возвратившегося хозяина. Люди в зале замерли. Никто не смел пошевелиться. Никто не смел издать ни звука. Только стук кружек, дрожащих в чьих-то руках, нарушал тишину. Он шёл. Прямо к ней. Прямо к её столику.

Наташа почувствовала, как сердце её ухнуло вниз. Страх — тот самый, животный, неконтролируемый страх — сжал её внутренности ледяной рукой. Она хотела встать, убежать, но тело не слушалось. Она могла лишь смотреть, как он приближается. Как расступаются перед ним тени. Как замирает мир. Он остановился прямо перед ней. Она сидела, запроки-

нув голову, со следами слёз на щеках, с кружкой в руках, и смотрела на него снизу вверх. И в этот момент она поняла, что все рассказы о нём не передают и сотой доли того, что он собой представляет.

Он был красив. Красив той страшной, нечеловеческой красотой, которая пугает сильнее любого уродства. Вблизи его бледность казалась ещё более глубокой, словно кожа его никогда не знала солнца. Глаза — чёрные, бездонные, — смотрели на неё с выражением, которое она не могла расшифровать. В них не было злобы. Не было угрозы. Но было что-то бесконечно далёкое, как свет далёких звёзд, что-то древнее, как камни гор, что-то... печальное. И этот взгляд, устремлённый на неё, был настолько интенсивным, что ей казалось, будто он проникает под кожу, под кости, в самую душу. Ей казалось, что он видит её насквозь — со всеми её страхами, желаниями, слабостями. И от этого было некуда спрятаться.

Он медленно, без единого слова, сел напротив неё. На то место, где только что сидела Марика. На ту лавку, которая ещё хранила тепло чужого тела. Его тень накрыла её, и на мгновение ей показалось, что весь трактир исчез, растворился в холодной, пустой черноте. Что остались только они двое — в бесконечном, беззвёздном пространстве. Она слышала, как колотится её сердце. Слышала, как кровь шумит в ушах. Слышала, как в этой звенящей тишине его голос, наконец, разорвал воздух.

Он прозвучал неожиданно глубоко и мягко. Не громкий, но разнёсшийся по всему залу, проникающий в самое сердце, в самые потаённые уголки сознания. И слова его упали в эту тишину, как тяжёлые камни в тёмную воду, расходясь кругами.

— Неужели в этом мире кто-то посмел обидеть столь прекрасные глаза?

Вопрос повис в воздухе. Наташа вздрогнула. Она всё ещё держала кружку, по её щекам всё ещё катились слёзы. Она смотрела в это бледное, прекрасное, как изваяние, лицо, и не могла вымолвить ни слова. Его взгляд, казалось, обволакивал её, проникал под кожу, читал её самые сокровенные печали. Весь её страх отступил, сменившись оцепенением, сродни тому, что чувствует кролик перед удавом. Но в этом оцепенении неожиданно прорезалась искра безумной, отчаянной мысли: а не сон ли это? Не порождение ли горького эля и её расстроенных чувств? Ведь не мог же сам Дмитрий, маг тьмы, чьё имя пугало детей, сидеть сейчас напротив неё и спрашивать, кто посмел её обидеть? Или мог?

Она моргнула. Слезинка сорвалась с ресницы и упала на стол. Звук её падения был почти неслышен, но в этой тишине он показался ей оглушительным. Она открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Что можно сказать существу из другого мира? Что можно ответить тому, кто, возможно, даже не человек? Она не знала. Она лишь смотрела в его чёрные, бездонные глаза и чувствовала, как внутри

неё что-то дрожит, трепещет, пробуждается от долгого сна. Странное, пугающее, но вместе с тем — невероятно живое чувство. А он всё смотрел на неё. И ждал ответа.

Глава 2. Неожиданное предложение

Тишина, повисшая в трактире, была такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом. Наташа чувствовала, как воздух вокруг неё сгустился, стал тяжёлым, почти осязаемым. Она продолжала смотреть в эти чёрные, бездонные глаза напротив и не могла произнести ни слова. Вопрос, заданный Дмитрием, всё ещё звучал в её ушах, отдаваясь эхом где-то в глубине сознания: «Неужели в этом мире кто-то посмел обидеть столь прекрасные глаза?» Это было так неожиданно, так невероятно, так... неправильно, что она на мгновение усомнилась в реальности происходящего.

Может быть, она действительно перебрала эля? Может быть, этот вечер, полный разочарований и обид, сыграл с ней злую шутку, породив галлюцинацию? Но нет. Холод, исходящий от сидящего напротив человека, был слишком реален. Его присутствие было слишком весомым, слишком ощутимым, чтобы быть плодом воображения. И взгляд его — глубокий, изучающий, проникающий в самую душу — был слишком... живым.

Она открыла рот, но из горла вырвался лишь какой-то невнятный, полужадушенный звук — не то всхлип, не то попытка что-то сказать. Слезы всё ещё стояли в её глазах, но те-

перь они смешались с растерянностью, удивлением и странным, поднимающимся откуда-то из глубины груди любопытством.

Он сидел напротив, спокойный, как каменное изваяние, и ждал. Его поза была расслабленной, но в этой расслабленности чувствовалась колоссальная внутренняя сила, сдерживаемая, словно пружина, готовая в любой момент распрямиться. Его руки лежали на столе — длинные, бледные пальцы с аккуратными, ухоженными ногтями, на одном из которых поблёскивал массивный перстень с тёмным камнем. Наташа заметила, что камень этот не просто тёмный — он будто поглощал свет, будто был окном в какую-то иную, бесконечную глубину. Она поспешно отвела взгляд.

— Вы... — начала она, но голос её сорвался, прозвучал слишком тихо, слишком жалко. Она кашлянула, пытаясь вернуть себе самообладание. — Вы ошиблись столом. Это место занято.

Глупость. Какая невероятная, вопиющая глупость. Она сама понимала это в ту же секунду, как слова сорвались с её губ. Но её мозг, парализованный страхом и растерянностью, не нашёл ничего лучше, чем произнести эту жалкую, бессмысленную фразу. Она почувствовала, как щёки её заливают румянец стыда, и прокляла себя за это.

Дмитрий, однако, не рассмеялся. Не улыбнулся даже. Лишь слегка склонил голову набок, изучая её лицо так внимательно, будто видел впервые. Его губы — тонкие, блед-

ные, чётко очерченные — дрогнули в едва заметном подобии улыбки. Это было не насмешкой, а скорее выражением какого-то странного, отстранённого интереса, словно он наблюдал за редким, диковинным зверьком, забредшим в его сад.

— Я редко ошибаюсь, — произнёс он. Его голос был тихим, но каким-то удивительно глубоким, обволакивающим, с едва уловимым хрипловатым оттенком, будто шорох осенних листьев. — И ещё реже выбираю места случайно. Я сел туда, куда хотел сесть.

Наташа сглотнула. В горле у неё пересохло, и она судорожно вцепилась в свою кружку, ища в ней спасения. Но пиво уже не казалось ей спасительным. Его горечь теперь ощущалась как что-то инородное, лишнее. Она сделала глоток — маленький, нервный, — и снова уставилась на мага.

— Зачем? — выдохнула она. Вопрос прозвучал резче, чем она хотела, но ей было всё равно. — Зачем вы сели сюда?

Он выдержал паузу. Длинную, тягучую, как мёд. Его тёмные глаза, казалось, заглянули в неё ещё глубже, и ей стало не по себе от мысли, что он, возможно, видит не только её лицо, но и её мысли, её чувства, её тайные страхи. Она отвернулась, не в силах выдержать этот взгляд, и уставилась на закопчённую стену, на которой плясали тени от очага. Сердце её колотилось как безумное, в ушах шумело, и она готова была провалиться сквозь землю от неловкости и напряжения.

— Я наблюдал за тобой, — сказал он наконец. Просто, без всякого пафоса, будто сообщая очевидный факт. — Ты вошла, и весь этот сброд на мгновение замер. Ты шла, как королева, случайно оказавшаяся на сельской ярмарке. А потом ты села со своими подругами, и на твоём лице появилось такое выражение... Ты ждала. Искренне ждала, что этот вечер будет хорошим. Что эти люди, которых ты называешь подругами, разделят с тобой радость. А они сбежали. Испугались того, чего не понимают.

Его слова падали, как холодные капли, но в них не было осуждения. Скорее — странная, почти клиническая констатация фактов. Он говорил о ней так, будто читал вслух страницы из книги её жизни, и от этого ей становилось не по себе. Кто он такой, чтобы видеть её так ясно? Чтобы так безошибочно читать её чувства?

— Они не испугались, — попыталась возразить она, хотя сама не верила в свои слова. — Просто... им нужно было идти. Дела. У Лары брат уезжает на ярмарку, а Марика...

— Они испугались, — перебил он мягко, но в этой мягкости была стальная уверенность. — Они испугались меня. И в этом нет ничего удивительного. Люди всегда боятся того, что сильнее их. Но ты... — он чуть подался вперёд, и Наташа инстинктивно отшатнулась, прижавшись спиной к стене. — Ты не испугалась так, как они. В твоих глазах был страх, да. Но был и вызов. Ты решила не бежать. Ты осталась.

Она не знала, что на это ответить. Потому что он был

прав. Потому что она действительно осталась. Не из храбрости, а из упрямства. Из того самого глупого, бессмысленного упрямства, которое всю жизнь толкало её на необдуманные поступки. Она не могла позволить себе уступить страху, не могла позволить кому-то — особенно этому мрачному, пугающему человеку — диктовать ей, что делать. Но объяснять это ему она не собиралась.

— Я просто хотела допить свой эль, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но получилось всё равно жалко.

— Эль, — повторил он с едва заметной иронией. — Горький, выдохшийся, отвратительный. Неужели ради этого ты сидишь здесь, в одиночестве, со слезами на глазах?

— Вам-то какое дело? — вырвалось у неё, и она тут же пожалела об этом. Грубить магу тьмы — это же сумасшествие. Он может испепелить её одним взглядом, превратить в тень, заставить исчезнуть без следа. Но вместо этого он лишь усмехнулся — на этот раз уже заметнее, с какой-то почти человеческой теплотой, — и покачал головой.

— Возможно, никакого, — признал он. — Но твои слёзы... они слишком чисты для этого грязного места. Они не должны были пролиться. И уж точно не из-за тех, кто недостойн даже стоять рядом с тобой.

Наташа замерла. Эти слова... Они были не просто неожиданными. Они были... невозможными. Как может человек, о котором ходят столько страшных легенд, говорить ей такие

вещи? Как может тот, кого называют безжалостным магом тьмы, замечать её слёзы и считать их «слишком чистыми»? Это не укладывалось в голове. Это противоречило всему, что она знала — или думала, что знала — о нём. Она посмотрела на него внимательнее, пытаясь найти в его лице признаки лжи, насмешки, какого-то злого умысла. Но не нашла. Лицо его было спокойным, даже усталым, и лишь в глазах горел тот же странный, изучающий огонёк.

— Вы меня не знаете, — прошептала она. — Вы меня видите впервые.

— Это так, — согласился он. — Но я вижу достаточно. Я вижу красоту, которую прячут за скромностью. Вижу силу, которую прячут за мягкостью. Вижу одиночество, которое не спрятать ни за чем.

От его слов у неё перехватило дыхание. Она почувствовала, как краска стыда снова заливает её щёки, но теперь это был не стыд, а что-то другое. Что-то тёплое, тревожное, волнующее. Никто и никогда не говорил ей таких вещей. Мужчины восхищались её внешностью, отпускали комплименты, писали записочки, пытались ухаживать. Но ни один из них не смотрел на неё так, как этот человек. Ни один не говорил о её одиночестве. Ни один не замечал ту силу, которую она сама в себе не всегда ощущала.

Она опустила глаза, не в силах больше выдерживать его взгляд. На столе перед ней стояла полупустая кружка, и она заметила, что её руки всё ещё дрожат. Она сплела пальцы,

чтобы унять дрожь, но это мало помогло. Всё её тело было натянуто, как струна, и присутствие этого человека — его холод, его тьма, его непонятная, пугающая энергия — ощущалось каждой клеточкой.

— Почему вы здесь? — спросила она, не поднимая глаз.
— Почему вы вообще пришли в этот трактир? Вы же... вы же никогда не появляетесь в таких местах.

— Кто тебе это сказал? — поинтересовался он, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти незаметная ирония. — Городские сплетницы? Пьяные болтуны? Люди, которые видят меня раз в полгода и придумывают обо мне сказки?

Она пожала плечами:

— Люди говорят...

— Люди всегда говорят, — перебил он. — Они не могут иначе. Они боятся тишины и одиночества, поэтому заполняют их слухами, домыслами, страхами. Я перестал обращать на это внимание много лет назад.

— И всё же, — настаивала она, поднимая на него глаза.
— Зачем вы пришли?

Он долго смотрел на неё, и в этом взгляде было что-то, от чего у неё снова закружилась голова. Потом он медленно перевёл взгляд на окно, за которым была уже глубокая ночь, и произнёс тихо, почти беззвучно:

— Возможно, я сам не знаю. Просто почувствовал, что должен. Что-то привело меня сюда.

Это признание прозвучало так странно, так неожиданно

человечно, что Наташа на мгновение забыла о своём страхе. Ей вдруг показалось, что перед ней сидит не всесильный маг, а... уставший человек. Человек, который тоже одинок. Который тоже ищет что-то, сам не зная, что именно. И от этого осознания в её груди что-то дрогнуло. Она почувствовала странное, почти материнское желание — утешить его, сказать что-то тёплое, снять хотя бы часть этой невидимой тяжести, которая, казалось, лежала на его плечах.

Но прежде чем она успела что-либо сказать, он снова повернулся к ней, и лицо его изменилось. Оно стало более живым, более... обычным. От прежней мрачной отстранённости не осталось и следа. Он улыбнулся — в этот раз по-настоящему, широко, и улыбка эта преобразила его, сделав моложе, мягче, доступнее.

— Послушай, — сказал он, подаваясь вперёд и понижая голос, словно собираясь сообщить ей заговорщицкий секрет. — Ты плакала в пиво. Это, знаешь ли, не самое лучшее занятие для столь прекрасной девушки. Особенно когда рядом есть я, а у хозяина этого заведения наверняка припасена бутылка-другая чего-нибудь получше этой кислятины. Что скажешь, если я закажу нам вина? И, возможно, что-нибудь поесть? Умираю с голоду, если честно.

Наташа невольно моргнула, пытаясь переварить услышанное. Он... голоден? Он хочет заказать вино? Он говорит с ней так, будто они старые приятели, случайно встретившиеся после долгой разлуки? Это было настолько не вязалось с его

образом, что она не знала, как реагировать. Наверное, она выглядела совершенно ошеломлённой, потому что он вдруг тихо рассмеялся — негромким, глубоким смехом, который, к её собственному удивлению, оказался очень приятным.

— Что? — спросил он, всё ещё улыбаясь. — Думала, маги тьмы питаются душами младенцев и запивают их кровью девственниц?

— Ну... — протянула она, чувствуя, как уголки её губ против воли ползут вверх. — Что-то в этом роде, да.

— Ах, эти слухи, — он покачал головой с притворной скорбью. — Они меня погубят. Уверяю тебя, моя дорогая, я совершенно обычно пережёвываю пищу, точно так же, как и любой другой смертный. И вино предпочитаю красное, сухое, желательное выдержанное хотя бы лет десять.

— Но... — она всё ещё не могла прийти в себя. — Но вы же... вы же маг. Вам вообще нужно есть?

— А тебе? — он приподнял бровь, и в его глазах заплясали озорные искорки. — Ты же красивая. Тебе нужно есть, или ты питаешься только комплиментами?

Это было так неожиданно, что она рассмеялась. Сама не заметила, как смех вырвался из её груди — лёгкий, звонкий, смывающий остатки недавних слёз. Она прижала ладонь к губам, пытаясь сдержаться, но смех всё равно прорвался, сотрясая её плечи. И в этот момент весь страх, всё напряжение, вся горечь этого вечера — всё это отступило, растаяло, растворилось в этом неожиданном, абсурдном, невоз-

можном разговоре.

— Ну вот, — удовлетворённо кивнул он. — Так гораздо лучше. Смех идёт тебе больше, чем слёзы.

Он поднял руку — медленно, плавно, чтобы не испугать её, — и щёлкнул пальцами. Звук этот прозвучал в тишине трактира как-то особенно отчётливо, как выстрел. Наташа вздрогнула, но ничего страшного не произошло. Лишь трактирщик, доселе стоявший за стойкой в оцепенении, вдруг встрепнулся и, перебирая ногами с несвойственной ему поспешностью, направился к их столу. Его круглое лицо блесло от пота, а глаза бегали, как у пойманного вора. Он явно не хотел приближаться к магу, но и ослушаться не смел.

— Слушаю... — начал было он, но Дмитрий перебил его властным, спокойным голосом:

— Лучшее вино, которое у тебя есть. И закуски. Сыра, мяса, свежий хлеб. Всё, что достойно этой дамы.

— Но у нас... — залепетал трактирщик. — Вино есть... но оно...

— Ты меня не понял, — мягко произнёс Дмитрий, но в этой мягкости было столько льда, что трактирщик побледнел ещё сильнее. — Я сказал: лучшее.

— Да, да, конечно, — закивал тот, пятясь. — Я... сейчас. Лучшее. Да.

Он метнулся за стойку, и Наташа услышала, как он что-то лихорадочно шепчет своей жене, которая вышла из кухни с подносом грязной посуды. Та ахнула, прижала руку к груди

и исчезла в кухонных недрах. Вскоре оттуда донеслись звуки суеты — звон посуды, хлопанье крышек, приглушённые голоса. Дмитрий же снова обратил своё внимание на Наташу, и она почувствовала, как краска снова приливает к её щекам.

— Вот так, — сказал он с довольным видом. — Сейчас нам принесут что-нибудь приличное. А пока — расскажи мне о себе.

— Зачем? — спросила она, заранее подозревая, что этот вопрос прозвучит глупо.

— Затем, что мне интересно, — просто ответил он. — Ты — первая девушка за последние... очень много лет, которая осмелилась плакать в моём присутствии. Это уже само по себе заслуживает внимания.

Она фыркнула, не зная, расценивать это как комплимент или нет.

— Я не осмелилась, — призналась она. — Просто... так вышло. Я думала, вы не заметите.

— Я замечаю всё, — сказал он, и на мгновение его голос снова стал тем самым, пугающим и далёким. Но уже в следующую секунду он снова смягчился. — Но не бойся. В этом нет ничего плохого. Плакать — не стыдно. Стыдно — сдерживать слёзы, когда они просятся наружу.

Она задумалась над его словами. В них была правда, которую она никогда раньше не формулировала для себя. Всю жизнь она сдерживала свои чувства, прятала их, боялась показаться слабой. Держала спину прямо, улыбалась, когда хо-

телось плакать, и молчала, когда хотелось кричать. Так её учили. Так поступали все вокруг. Но сейчас, слушая этого странного, пугающего человека, она вдруг подумала: а что, если это неправильно? Что, если иногда нужно позволять себе быть слабой? Что, если в этой слабости есть своя сила?

— Меня зовут Наташа, — сказала она вдруг, сама не зная, зачем. Просто захотелось, чтобы он знал её имя. — Наталья. Дочь пекаря.

— Наталья, — повторил он, пробуя её имя на вкус. — Красивое имя. Мне нравится. А я — Дмитрий. Но ты, полагаю, уже знаешь.

— Да, — кивнула она. — Все в городе знают вас.

— И большинство боится, — добавил он с кривой усмешкой. — Но ты, кажется, уже нет.

— Неправда, — честно ответила она. — Я всё ещё боюсь. Но... не так, как раньше.

Он кивнул, будто соглашаясь с чем-то внутренним.

— Это нормально, — сказал он. — Страх — это естественно. Он защищает нас. Но иногда он же мешает нам жить. Важно уметь отличать одно от другого.

В этот момент к столу подошла жена трактирщика — полная, розовощёкая женщина по имени Берта, которую Наташа знала с детства. Она несла большой деревянный поднос, уставленный тарелками с едой: нарезанный толстыми ломтями сыр, отливающий желтизной, вяленое мясо, истекающее соком, пшеничный хлеб с хрустящей корочкой, масло, солё-

ные огурцы, маринованные грибы. А рядом со всем этим великолепием — запотевшая бутылка тёмного стекла, запечатанная красным воском. Вино. Дорогое, судя по всему. И всё это выглядело так аппетитно, что у Наташи помимо воли заурчало в животе.

— Ой, — она прижала руку к животу, смутившись.

Дмитрий рассмеялся:

— Вот и правильно. Голод — лучшее доказательство того, что ты жива. Накладывай себе, не стесняйся.

Он сам потянулся к бутылке, ловко сорвал восковую печать и разлил вино по бокалам, которые Берта предусмотрительно поставила на стол. Наташа наблюдала за его движениями, за тем, как бледные пальцы сжимают горлышко бутылки, как тёмная жидкость с тихим бульканьем наполняет её бокал. Всё это казалось ей сюрреалистичным, будто сон. Она сидит за одним столом с самым опасным человеком города, ест сыр, пьёт вино... и разговаривает с ним о жизни. Если бы кто-нибудь рассказал ей об этом утром, она бы рассмеялась тому в лицо.

— Попробуй, — сказал он, пододвигая к ней бокал. — Это, конечно, не королевский напиток, но для такого заведения — вполне сносно.

Она взяла бокал, поднесла к губам, вдохнула аромат — терпкий, с нотками вишни и чёрной смородины. Глотнула. Вино оказалось на удивление мягким, бархатистым, с лёгкой кислинкой в конце. Оно разлилось по телу приятным теп-

лом, и Наташа почувствовала, как последние остатки напряжения покидают её.

— Ну как? — спросил он.

— Вкусно, — честно призналась она. — Гораздо лучше, чем то пиво.

— Ещё бы, — хмыкнул он, наполняя свой бокал. — Пиво, которое пьют в таких местах, годится только для того, чтобы смывать с души грязь. Вино же — для того, чтобы услаждать душу.

Они ели молча, и в этом молчании не было неловкости. Наташа с удивлением обнаружила, что присутствие Дмитрия уже не вызывает у неё прежнего страха. Да, он был холоден, его аура была плотной и тяжёлой, но в то же время... он был спокойным. Он не делал резких движений. Не пытался её запугать. Не смотрел свысока. Он просто был собой — тем, кем был. И от этого ей становилось как-то... спокойно. Словно рядом с ним можно было не притворяться, не играть роль, не прятаться за масками.

— Так что случилось с твоими подругами? — спросил он наконец, откинувшись на спинку лавки. — Расскажи мне.

Она вздохнула, отломив кусочек хлеба и отправив его в рот. Прожевала, обдумывая, стоит ли делиться с ним своими переживаниями. В конце концов, он был посторонним человеком. Какое ему дело до её обид? Но в то же время... почему-то хотелось выговориться. Хотелось, чтобы кто-то выслушал её. Пусть даже этот «кто-то» — маг тьмы, внушающий

ужас всему городу.

— Они просто ушли, — сказала она, пожав плечами. — Испугались вас. Хотя я просила их остаться. Сказала, что ничего плохого не случится. Но они...

— Они выбрали бегство, — закончил он за неё. — Это разумно.

— Разумно? — она недоверчиво посмотрела на него. — Но вы же им ничего не сделали!

— Они этого не знали, — спокойно возразил он. — Для них я — угроза. И они поступили так, как подсказывал им инстинкт. Бежать от опасности — это нормально.

— Но вы не опасны! — выпалила она, сама удивляясь тому, насколько искренне звучит её голос. — То есть... — она запнулась, понимая, что говорит что-то не то. — Я хотела сказать... вы не опасны для них. Вы просто сидели в своём углу и никого не трогали.

— Ты удивишься, но большинство людей даже этого боятся, — произнёс он с лёгкой усмешкой. — Одно моё присутствие вызывает у них панику. Они не могут объяснить почему. Просто чувствуют, что я другой. И это «другое» их пугает.

— Но я же не паникую, — заметила она, поднимая на него глаза. — По крайней мере, уже не так сильно.

— Да, — согласился он, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение. — Ты — другая. Поэтому я и сел сюда. Она задумалась над его словами. Ей всегда казалось, что

она — самая обычная, самая заурядная девушка. Дочь пекаря, вдова, живущая с отцом и мечтающая о чём-то большем, чем ежедневная рутина. Она никогда не считала себя особенной. Но сейчас, глядя в эти чёрные бездонные глаза, она впервые за долгое время почувствовала себя... значимой. Словно её существование имело смысл не только для неё самой, но и для кого-то ещё.

— Они сказали, что у них дела, — продолжила она, возвращаясь к своим подругам. — Но я знаю, что это ложь. Просто они испугались. И бросили меня одну.

— И ты чувствуешь себя преданной, — констатировал он.

— Да, — призналась она, и в голосе её снова зазвучала горечь. — Это обидно. Я думала, что мы подруги. Что они поддержат меня. А они... сбежали при первой же опасности.

— Не опасности, — поправил он. — При первом же поводе. Этот повод — я. Но могло быть что-то ещё. Люди всегда находят повод, чтобы сбежать, если им этого хочется. Дело не во мне. Дело в них.

— Вы хотите сказать, что они не настоящие подруги?

— Я хочу сказать, что они — слабые люди, — ответил он, и его голос стал жёстче. — Слабые и завистливые. Они видят твою красоту, твою силу, твою независимость — и не могут с этим смириться. Поэтому подсознательно ищут любой предлог, чтобы унижить тебя, покинуть тебя, доказать себе, что ты не лучше них.

Наташа покачала головой:

— Это неправда. Марика и Лара... они хорошие. Просто они боятся вас. И их можно понять.

— Можно, — согласился он. — Но их страх — не оправдание. Они оставили подругу одну, когда она нуждалась в поддержке. Этому нет оправдания.

Она не нашлась, что ответить. В глубине души она понимала, что он прав. Что поступок подруг был низким, трусливым и эгоистичным. Но признавать это было больно. Всё же они были её единственными подругами, её единственной отдушиной в этом унылом, монотонном существовании. И потерять их — пусть даже из-за их же слабости — означало остаться в совершенном одиночестве.

— Они просто завидуют твоей красоте, — добавил Дмитрий, словно прочитав её мысли. — Ты самая красивая женщина в этом городе, а они — лишь бледные тени рядом с тобой. Рано или поздно они предали бы тебя. Хорошо, что это случилось сейчас.

— Красота — это не главное, — пробормотала она.

— Не главное, — согласился он. — Но она — это то, что видят другие. И то, чему они завидуют. А зависть — очень сильное чувство. Оно разрушает дружбу, любовь, родственные узы. Зависть — это яд, который отравляет всё, к чему прикасается.

Он говорил с такой уверенностью, что Наташа невольно задумалась: а много ли он сам испытал зависти? Наверное, много. Человек с такой силой, с такой властью, с такой внеш-

ностью — он наверняка вызывал у людей не только страх, но и зависть. И, возможно, именно поэтому он был так одинок. Именно поэтому он жил в башне на окраине, избегая общества. Он сам был изгоем — могущественным, пугающим, но всё же изгоем.

— Вы говорите так, будто знаете, что такое зависть, — произнесла она тихо.

— Знаю, — коротко ответил он. — Слишком хорошо знаю.

Он помрачнел, и на его лице промелькнула тень — едва заметная, но от этого не менее выразительная. Наташа видела, как пальцы его сжались вокруг бокала, как потемнели его глаза, став ещё глубже, ещё бездоннее. Она поняла, что невольно коснулась какой-то старой, больной темы. И решила не продолжать.

— Простите, — сказала она мягко. — Я не хотела...

— Не извиняйся, — прервал он, и лицо его снова разгладилось. — В этом нет твоей вины. Просто некоторые воспоминания... не доставляют удовольствия.

Он отпил вина, и она заметила, как его кадык дёрнулся при глотке. Это было так по-человечески, так обычно, что ей на мгновение показалось, будто перед ней сидит вовсе не маг, а просто уставший мужчина. Просто человек, у которого есть своя боль, свои тайны, свои шрамы. И она вдруг почувствовала к нему что-то похожее на сострадание. Странное, необъяснимое, но очень сильное.

— Расскажи мне о себе, — попросил он, меняя тему. — Не о подругах. Не о городе. О тебе. Кто ты, Наталья? Что ты любишь? Чего боишься? Кем мечтала стать в детстве?

Она рассмеялась, застав сама себя врасплох. Вопрос был таким неожиданным, таким... нормальным, что она не смогла сдержать улыбки.

— В детстве я хотела быть принцессой, — призналась она. — Как все девочки. Жила в своём маленьком мире, полном фантазий. Представляла, что пекарня — это замок, а отец — король, который печёт хлеб для всего королевства.

— А мать? — осторожно спросил он.

— Матери не стало, когда мне было шесть, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я мало её помню. Только тепло. И запах лаванды. И её колыбельную. Ту, которую она пела мне перед сном.

Он кивнул, не говоря ни слова. В его глазах она прочла понимание. Настоящее, глубокое, неподдельное. Он не пытался её утешать, не произносил пустых слов. Просто слушал. И это было... удивительно. Обычно люди, узнав о её утрате, начинали суетиться, говорить банальности, делать сочувствующие лица. Но он — нет. Он просто был рядом. И этого было достаточно.

— А потом я вышла замуж, — продолжила она, не зная, зачем рассказывает ему это. — За человека, которого выбрал отец. Три года я прожила с ним. Три долгих, скучных, однообразных года. А потом он умер.

— И ты обрадовалась, — сказал он, и это было не вопросом, а утверждением.

Она вздрогнула, ошеломлённая его проницательностью.

— Откуда вы знаете?..

— Это видно по твоему лицу, — ответил он спокойно. — Когда ты говоришь о нём, в твоих глазах нет печали. Только... облегчение.

Она опустила голову, стыдливо разглядывая свои руки, лежащие на коленях. Ей всегда казалось, что её чувства по этому поводу неправильны, что она должна была горевать, а не радоваться. Но он сказал об этом так просто, так безоценочно, что ей стало легче. Как будто огромный камень упал с души.

— Да, — прошептала она. — Вы правы. Я обрадовалась. И мне было стыдно за это.

— Стыд — бесполезное чувство, — произнёс он. — Особенно когда речь идёт о чувствах, которые ты не можешь контролировать. Ты не виновата в том, что не любила его. Ты не виновата в том, что его смерть принесла тебе облегчение. Ты просто человек. Живой. Чувствующий. И в этом твоя сила, а не слабость.

Его слова были как бальзам на израненную душу. Наташа почувствовала, как в груди что-то разжимается, как отпускает то невидимое напряжение, которое она носила в себе годами. Никто и никогда не говорил ей таких вещей. Никто не давал ей право чувствовать то, что она чувствовала. А

этот человек — маг тьмы, существо, которого все боялись, — за один вечер сказал ей больше правильных слов, чем все остальные за всю её жизнь.

— Вы удивительный, — вырвалось у неё, и она тут же пожалела о сказанном. — То есть... я хотела сказать... вы не такой, каким я вас представляла.

— А каким ты меня представляла? — поинтересовался он, и в его голосе снова появилась та самая ирония, которая, как она уже успела заметить, служила ему защитной маской.

— Холодным, — призналась она. — Бесчувственным. Даже жестоким.

— Это не так далеко от истины, — сказал он, и тень снова промелькнула на его лице. — Я действительно холоден. Действительно жесток, когда нужно. И чувства мои... их давно нет.

— Но вы же...

— Я умею притворяться, — перебил он. — Умею имитировать эмоции, когда это необходимо. Умею улыбаться, смеяться, сочувствовать. Но всё это — лишь маски. Внутри меня — пустота.

Он говорил об этом так спокойно, так обыденно, что у Наташи мурашки побежали по коже. Ей вдруг стало жутко — не от него, а от того, что он описывал. Пустота. Внутренняя пустота, в которой нет ни любви, ни радости, ни надежды. Как можно жить с такой пустотой? Как можно выносить её изо дня в день?

— Но почему? — спросила она, подаваясь вперёд. — Почему вы так говорите?

— Потому что это правда, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Я маг тьмы. Это не просто титул. Это... проклятие. Цена, которую я плачу за свою силу. Я не могу чувствовать, как обычные люди. Не могу любить, как они. Не могу радоваться, как они. Всё, что у меня есть, — это тьма. Она заполняет меня, даёт мне силу, но взамен забирает... всё остальное.

Наташа смотрела на него, не отрываясь. В его словах была такая глубокая, всепоглощающая печаль, что у неё защемило сердце. Она видела перед собой не могущественного мага, а человека, сломленного своим даром. Человека, который обречён на вечное одиночество — не потому, что он плохой, а потому, что сама его природа отталкивает всё живое.

— Это ужасно, — прошептала она. — Я бы не смогла так жить.

— Привыкаешь, — он пожал плечами, и в этом жесте было столько усталости, столько смирения, что ей стало ещё больнее. — Со временем перестаёшь замечать. Просто существуешь. Изо дня в день. Из года в год.

Она замолчала, не зная, что сказать. Да и нужно ли было что-то говорить? Слова в такой момент казались лишними, ненужными. Она просто сидела рядом с ним, и в этом молчании было что-то очень важное, очень сокровенное. Ей казалось, что между ними возникла какая-то невидимая связь —

тонкая, хрупкая, но очень крепкая. Она не могла объяснить её, но чувствовала. Чувствовала, что этот человек, несмотря на всю свою тьму, несмотря на всю свою пустоту, не чужд ей. Что он понимает её так, как никто другой. И что она, возможно, тоже понимает его.

— Расскажи ещё что-нибудь, — попросил он, и в его голосе впервые прозвучала нотка, похожая на мольбу. — О чём угодно. О городе. О людях. О том, как ты живёшь. Мне... приятно слушать твой голос.

Она улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается в груди. И начала рассказывать. О пекарне, о запахе свежего хлеба по утрам, о том, как отец ворчит на кошку, о том, как она изобретает новые рецепты. О городе, о рынке, о ярмарках. О своих мечтах — простых, но искренних. О том, как ей хочется когда-нибудь увидеть море. О том, как она любит осень за её честность. О том, как она иногда поёт, когда думает, что никто не слышит.

Он слушал. Внимательно, не перебивая, лишь изредка кивая или улыбаясь. Его лицо постепенно теряло свою мрачность, становилось более живым, более тёплым. И Наташа, поглядывая на него краем глаза, не могла не заметить этих перемен. Словно лёд, из которого он был сделан, начал таять. Словно в его чёрных глазах зажёгся огонёк, которого раньше не было.

Она смеялась. Она не заметила, когда именно это началось, но в какой-то момент она вдруг поняла, что смеётся —

искренне, звонко, от души. Он рассказывал ей что-то забавное, какую-то историю из своего прошлого, и она не могла сдержаться. Смех сотрясал её тело, слёзы — уже не горечи, а радости — выступали на глазах. И в этом смехе было освобождение. Освобождение от боли, от обид, от одиночества. Она чувствовала себя лёгкой, свободной, живой. И всё это — благодаря ему. Благодаря этому человеку, которого все боялись, но который оказался способным на такую удивительную, такую неожиданную теплоту.

— Спасибо, — выдохнула она, когда смех наконец утих. — Спасибо вам. Я уже и не помню, когда мне было так хорошо.

Он посмотрел на неё долгим, пристальным взглядом. В его глазах было что-то новое, что-то, чего она не могла расшифровать. Что-то глубокое, тёплое, почти нежное. И от этого взгляда у неё перехватило дыхание.

— Мне тоже, — произнёс он тихо. — Мне тоже... хорошо.

Он накрыл её ладонь своей — неожиданно, но нежно. Его пальцы были прохладными, но не ледяными. Наташа вздрогнула от этого прикосновения, но не отстранилась. В этом простом жесте было столько невысказанного, столько нежности, что у неё закружилась голова. Она посмотрела на их соединённые руки, на его бледную кожу, контрастирующую с её смуглой, на его длинные пальцы, сжимающие её ладонь.

— Наталья, — сказал он, и в его голосе прозвучало что-то, отчего её сердце забилось быстрее. — Я должен сказать

тебе кое-что.

Она подняла на него глаза, чувствуя, как в груди разрастается странное, тревожное предчувствие. Что-то должно было случиться. Что-то важное, необратимое. Она видела это по его лицу — серьёзному, сосредоточенному, лишённому всех масок.

— Я слушаю, — прошептала она.

Он помолчал, словно подбирая слова. Потом его пальцы сжали её ладонь чуть сильнее, и он заговорил:

— Я живу очень долго, Наталья. Слишком долго. И за всё это время я не встречал никого, кто заставил бы меня... почувствовать. Хоть что-то. Хоть отголосок. Хоть тень чувства. Моё сердце давно остыло и покрылось пылью. Я думал, что так будет всегда. Думал, что обречён на вечную пустоту, и смирился с этим.

Он замолчал, переводя дыхание. Наташа смотрела на него, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово.

— Но сегодня, — продолжил он, — когда я увидел тебя... Когда увидел, как ты плачешь над своим пивом, такая красивая, такая настоящая, такая живая... Что-то изменилось. Внутри меня что-то сдвинулось. Словно треснул лёд. Словно после долгой, бесконечной зимы забрезжила весна.

Он снова замолчал. Его глаза горели, и в них она видела отражение собственного потрясения. Он смотрел на неё так, будто видел впервые — будто только сейчас осознал, кто она такая и что она для него значит.

— Выходи за меня, — произнёс он. Просто. Прямо. Без всяких предисловий. — Прямо сейчас. Ты не должна возвращаться к тем, кто тебя не ценит. К тем, кто бросает тебя при первом же поводе. Останься со мной.

Наташа замерла. Воздух в её лёгких, казалось, превратился в лёд. Она смотрела на него, не в силах пошевелиться, не в силах дышать, не в силах думать. Его слова эхом отдавались в её голове, и она не могла в них поверить. Это же... это же безумие! Он — маг тьмы, существо, которого все боятся. Она — простая дочь пекаря, вдова, живущая с отцом. Они знакомы всего пару часов! И он... он предлагает ей выйти за него?!

— Вы... вы шутите, — выдавила она, чувствуя, как кровь отливает от лица. — Это невозможно.

— Я не шучу, — ответил он, и в его голосе было столько уверенности, что она поневоле поверила ему. — Я никогда не говорил ничего серьёзнее.

— Но почему?... — прошептала она. — Почему я?

— Потому что ты — первая, кто смог пробиться через мою тьму. Первая, кто вызвал во мне то, что я считал давно умершим. Я не знаю, что это — любовь, влечение, надежда... Но я знаю одно: я не хочу тебя отпускать. Не хочу, чтобы ты возвращалась в свою прежнюю жизнь, к людям, которые не способны оценить тебя по достоинству. Я хочу, чтобы ты была рядом.

Слёзы снова навернулись на её глаза, но теперь это были

слёзы не грусти, а какого-то невероятного, всепоглощающего потрясения. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но слова не шли. В горле стоял комок, а сердце колотилось так сильно, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

— Я... я не знаю, что сказать, — пролепетала она. — Это так неожиданно...

— Скажи «да», — произнёс он, и в его голосе была такая мольба, такая тоска, такое отчаянное желание, что у неё перехватило дыхание. — Просто скажи «да». И я сделаю всё, чтобы ты никогда не пожалела об этом.

Она смотрела в его чёрные бездонные глаза, и в глубине её души росло странное, пугающее, но вместе с тем невероятно сильное чувство. Она не знала, что это — любовь, безумие, судьба или что-то ещё. Но она знала одно: впервые за долгое время она чувствовала себя по-настоящему живой. По-настоящему нужной. По-настоящему... целой. И это чувство было сильнее страха. Сильнее сомнений. Сильнее здравого смысла.

— Да, — выдохнула она. — Да.

Глава 3. Свадьба под покровом ночи

Согласие сорвалось с её губ так легко, так естественно, будто она всю жизнь ждала этого вопроса. Будто всё, что случилось до этого — унылая череда дней в пекарне, безрадостное замужество, годы одиночества, — было лишь подготовкой к этому самому мгновению, к этому самому человеку, к этому самому решению. Она произнесла короткое, простое слово из двух букв, и мир вокруг неё изменился навсегда.

Дмитрий не улыбнулся. Его лицо оставалось серьёзным, почти суровым, но в глазах вспыхнуло нечто, чего Наташа прежде не видела — нечто среднее между торжеством и недоверием. Он смотрел на неё так, словно сам не мог поверить, что она согласилась. Словно за все свои долгие, бесконечные годы он так и не привык к тому, что кто-то может ответить ему «да». И в этом взгляде было столько незащищённости, столько обнажённой, почти детской уязвимости, что Наташе вдруг стало ясно: этот человек, при всей своей силе и могуществе, тоже умеет быть слабым. Просто никто никогда этого не видел. Никто не удостоивался чести заглянуть за его ледяную маску. А она — увидела. И от этого чувства её сердце наполнилось странной, щемящей нежностью.

— Ты понимаешь, что сейчас сказала? — спросил он ти-

хо, не отпуская её руки. Его пальцы были всё такими же прохладными, но теперь их касание не вызывало у неё ни страха, ни дискомфорта. Напротив — оно казалось ей удивительно правильным, успокаивающим, как прикосновение прохладной простыни в душную летнюю ночь.

— Понимаю, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я согласилась выйти за вас замуж.

— За меня, — поправил он с лёгкой улыбкой, в которой теперь не было ни иронии, ни притворства. — Без «вы». Теперь мы будем мужем и женой. И это накладывает определённые... правила обращения.

— За тебя, — исправилась она, и слово это прозвучало так странно, так непривычно, так интимно, что у неё запылали щёки. — Я согласилась выйти за тебя.

— Вот так лучше, — одобрил он, и его большой палец начал медленно, почти незаметно поглаживать тыльную сторону её ладони. — Гораздо лучше.

Она не отняла руку. Ей нравилось это прикосновение — лёгкое, невесомое, но в то же время очень значимое. Оно связывало их невидимой нитью, протянутой через стол, через разделявшее их расстояние, через все условности и предубеждения. Она чувствовала, как по её телу разливается тепло, исходящее от этой точки контакта, как расслабляются мышцы, как успокаивается дыхание. Ей было хорошо. Ей было спокойно. Ей было... правильно.

— А что будет дальше? — спросила она, заглядывая в его

тёмные глаза. — Что мы будем делать? Как... как это всё будет?

— Дальше? — он задумался на мгновение, и его лоб прорезала лёгкая морщинка. — Сначала мы закончим этот вечер. Ты допьёшь своё вино, я расплачусь с хозяином. Потом мы выйдем отсюда и отправимся ко мне.

— В башню? — уточнила она, чувствуя, как сердце снова ускоряет свой ритм.

— В замок, — поправил он с лёгкой усмешкой. — Люди называют это башней, потому что видят лишь её верхушку из-за стен. Но на самом деле это родовой замок, довольно старый и, должен признать, довольно мрачный. Но тебе там понравится. Я позабочусь об этом.

— Но... церемония? — она неуверенно пожала плечами. — Нужен же священник? Или... храм? И свидетели? Я никогда не слышала, чтобы свадьба проходила без этого.

Он покачал головой:

— Обычная церемония — для обычных людей. Ты же теперь будешь женой не обычного человека. У нас всё будет иначе.

— Как? — спросила она, чувствуя, как любопытство борется с тревогой.

— Ты узнаешь, когда придёт время, — ответил он загадочно. — Обещаю, это будет красиво. И значимо. Гораздо более значимо, чем все ваши храмовые обряды с их бормочущими священниками и подвыпившими гостями.

Она хотела расспросить подробнее, но он приложил палец к её губам, призывая к молчанию. Этот жест был таким неожиданным, таким интимным, что у неё перехватило дыхание. Его палец был холодным, но прикосновение обожгло её, как прикосновение к раскалённому металлу. По телу пробежала дрожь — не от холода, а от чего-то иного, чему она пока не могла подобрать названия.

— Не задавай слишком много вопросов, — прошептал он. — Иногда лучше просто довериться. Особенно когда рядом есть тот, кому можно довериться.

— А вам... тебе можно доверять? — спросила она, и голос её дрогнул.

Он помолчал, глядя ей в глаза с такой интенсивностью, что ей показалось, будто он заглядывает в самую глубину её души. Потом медленно убрал палец от её губ и провёл тыльной стороной ладони по её щеке — осторожно, нежно, как будто она была сделана из тончайшего фарфора.

— Я не причиню тебе вреда, — произнёс он, и в его голосе было столько искренности, что Наташа почувствовала, как её последние сомнения рассыпаются в прах. — Никогда. Клянусь своей силой, своим именем и своей тьмой.

Это была странная клятва. Но в его устах она прозвучала так весомо, так значительно, что не поверить было невозможно. Наташа кивнула, принимая её. Она всё ещё не до конца понимала, во что ввязалась, но странное чувство подсказывало ей, что она на верном пути. Что человек, сидя-

щий перед ней, несмотря на всю свою мрачную репутацию, — именно тот, кто ей нужен. Именно тот, кто сможет заполнить ту пустоту, которая годами разрасталась в её груди.

Дмитрий подозвал трактирщика. Тот подошёл с видимой неохотой, но послушно, как выдрессированный пёс. Его лицо всё ещё было бледным, а руки, которые он сжимал в кулаки, заметно дрожали. Наташа испытывала к нему почти жалость: она знала его с детства, видела, как он грубо шутит с посетителями, как разгоняет пьяных драчунов, как ловко управляет своим хозяйством. Но сейчас этот уверенный, сильный мужчина выглядел как испуганный мальчишка, застигнутый врасплох чем-то, чего он не мог понять.

— Мы уходим, — коротко бросил Дмитрий, доставая из складок плаща маленький кожаный кошелёк. — Возьми. Этого должно хватить.

Он бросил на стол несколько золотых монет. Они зазвенели, ударившись о дерево, и этот звук в тишине трактира прозвучал как выстрел. Глаза трактирщика расширились. Золото. Настоящее золото, которого здесь, в этой части города, не видели месяцами. Такого количества хватило бы на несколько недель безбедной жизни.

— Но... — начал было Густав, но Дмитрий перебил его властным взглядом.

— Я сказал: этого хватит. Остальное — за беспокойство. Он поднялся из-за стола, и Наташа инстинктивно последовала его примеру. Она застегнула накидку дрожащи-

ми пальцами, поправила косу, бросила последний взгляд на недопитое вино и недоеденную еду. Всё это казалось ей теперь таким далёким, таким незначительным. Словно прошла целая вечность с того момента, как она вошла в этот трактир, полная надежд и ожиданий. А теперь она уходит отсюда — невестой. Женой. Почти женой самого могущественного человека в регионе.

Когда они направились к выходу, Наташа почувствовала на себе десятки взглядов. Люди смотрели на неё с ужасом, с изумлением, с завистью, с недоверием. Кто-то шептался, кто-то крестился, кто-то просто застыл с открытым ртом. Она видела их лица краем глаза, но не придавала им значения. Все эти люди оставались там, в прошлом, в той жизни, от которой она только что добровольно отказалась. Впереди было нечто новое, неизвестное, пугающее и манящее одновременно.

Уличный воздух ударил в лицо, обжигая лёгкие после душной атмосферы трактира. Ночь встретила их тишиной и холодом. Луна висела высоко в небе, окружённая россыпью звёзд, и её серебристый свет заливал мостовую, превращая её в реку из расплавленного серебра. Где-то вдалеке лаяла собака, да в соседнем переулке раздавался чей-то пьяный голос, напевающий непристойную песню. Но здесь, у стен «Медного котла», было тихо. Почти благоговейно тихо.

Дмитрий остановился, вдохнул ночной воздух полной грудью и повернулся к Наташе. В лунном свете его лицо ка-

залось ещё бледнее, а глаза — ещё темнее, но в их глубине плясали отблески звёзд, делая его облик невероятно, потусторонне красивым. Он смотрел на неё долго, изучающе, будто видел впервые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.